

САНСКРИТ

---

*Рекомендовано Министерством
общего и профессионального образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по философским и культурологическим специальностям*

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1999**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ББК 88.1
С 59

С 59 Санскрит. Серия «Мир культуры, истории и философии» /
СПб.: Издательство «Лань», 1999. — 480 с.

ISBN 5—8114—0105—1

Санскрит — это прежде всего язык вед, архаических сакральных текстов, положивших начало великой индийской словесности и духовной культуре в целом. Это язык всех школ и направлений индийского теоретического умозрения, язык классических философских трактатов. Непревзойденный учебник по изучению санскрита состоит из двух частей.

Первая часть составлена профессором Московского университета *В. О. Миллером*, профессором Московского университета *О. И. Кнауэром*.

Вторая часть написана *Г. Бюлером*. Перевод под редакцией профессора *Ф. И. Щербатского*.

ББК 88.1

«ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОСТОКА»

Редакционный совет

Е. П. Островская

В. И. Рудой

Ю. А. Сандулов

**Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке**

© Издательство «Лань», 1999

© Издательство «Лань»,
художественное оформление, 1999

В. И. Рудой, Е. П. Островская
Санскрит в индийской культуре 5

РУКОВОДСТВО К ИЗУЧЕНИЮ САНСКРИТА,
составленное
проф. моск. ун-та *В. О. Миллером*,
проф. киевск. ун-та *О. И. Кнауэром*
Санкт-Петербург, 1891

I. ГРАММАТИКА.

Отдел I.

Звуки и буквы 27
Произношение 28
Ударение 33

Отдел II.

Изменения звуков: 34
I. Сочетание гласных 34
II. Согласные в исходе слов 36
III. Согласные внутри слов 41

Отдел III.

Глава I. Склонение имен существительных и прилагательных 44
А. Основы на гласные 46
Б. Основы на согласные 54
Глава II. Степени сравнения 63
Глава III. Имена числительные 65
Глава IV. Местоимения 69
Глава V. Глагол.
I. Общие замечания 73
II. Система Praesentis 78
А. 1-е главное спряжение 78
Б. 2-е главное спряжение 83
III. Perfectum 100
IV. Аористы 108
V. Futurum 114
VI. Производное спряжение 116

**САНСКРИТ
В ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Отдел IV.	
Сложение с тов: I. Глагольное сложение	127
II. Именное сложение	128
Некоторые замечания о словообразовании	134

ПРИЛОЖЕНИЕ:

I. Упражнение в чтении	136
II. Упражнения в грамматических формах	139

II. ТЕКСТЫ

I. Nala	153
II. Басни и рассказы (из Хитопадешы и Панчатантры):	
1. Осел и собака	160
2. Лев, мышь и кошка	161
3. Птицы и обезьяны	162
4. Гусь и ворона; ворона и перепел	162
5. Синий шакал	163
6. Отшельник и мышь	164
7. Осел в тигровой шкуре	164
8. Ловкие обманщики	165
9. Как вознаграждает женщина за любовь	166
10. Муж-дурак	167
11. Гончар-воин	169
12. Разбитый горшок	170
13. Товарищ пути	171
III. Sâvitro	172
IV. Из законов Ману	198
V. Первое действие Śakuntala	205
III. СЛОВАРЬ	223

Г. Бюлер
РУКОВОДСТВО К ЭЛЕМЕНТАРНОМУ КУРСУ
САНСКРИТСКОГО ЯЗЫКА
перевод под редакцией профессора Ф. И. Шербатского
Стокгольм, 1923

1. Предисловие	311
2. Алфавит	313
3. Грамматика и упражнения, уроки	316
4. Глоссарий санскритско-русский	427
5. Глоссарий русско-санскритский	449
6. Приложение — таблица изменения звуков в сочетаниях	467

Возрастающий интерес к письменному наследию древней и раннесредневековой Индии, характерный для нынешнего молодого поколения российских культурологов, религиоведов, историков философии, выдвигает на первый план задачу углубленного знакомства с основами санскрита. Санскрит — это прежде всего язык вед, архаических сакральных текстов, положивших начало великой индийской словесности и духовной культуре в целом. Это язык южно-азиатских традиционных религиозных идеологий и, в частности, родной язык буддизма¹ — исторически первой мировой религии. Это язык всех школ и направлений индийского теоретического умозрения, язык классических философских трактатов. Помимо перевода и комментирования санскритских первоисточников нет иного надежного способа познать культуру древней и раннесредневековой Индии, нет иного способа добыть важнейший материал для последующего научного осмысления.

Заметно усилилось стремление к овладению основами санскрита и в среде молодых филологов, готовящих себя к серьезной работе в области теоретического языкознания, ибо база современной лингвистики — сравнительная грамматика индоевропейских языков — начала закладываться именно благодаря открытию санскрита европейскими учеными в конце XVIII столетия.

Цель настоящего издания — предоставить студенчеству гуманитарных вузов именно те образцы учебной литературы

¹ Наряду с корпусом буддийских канонических текстов, зафиксированных на языке пали, функционировал санскритский вариант канона, переводы которого на китайский и тибетский языки и послужили основой формирования буддийской традиции на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

по санскриту, которыми пользовались в процессе своей первоначальной подготовки многие поколения российских ученых — языковедов и индологов XX в. Предлагаемое издание объединяет в пределах единого тома «Руководство к изучению санскрита», составленное российскими университетскими профессорами В. Ф. Миллером и Ф. И. Кнауэром, и «Руководство к элементарному курсу санскритского языка», разработанное крупнейшим австрийским индологом Г. Бюлером.

Труд В. Ф. Миллера, профессора Московского университета, и Ф. И. Кнауэра, профессора Киевского университета, был впервые опубликован в 1891 г. в Санкт-Петербурге, важнейшем научном и, в частности, востоковедном центре Российской империи, давшем миру таких глубоких исследователей индийской культуры, как И. П. Минаев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской. Этот труд, однако, ориентирован в первую очередь на подготовку филологов, специализирующихся в сравнительном языкознании. Учебный материал в нем расположен и изложен в соответствии с подходами и научными методами, характерными именно для данной филологической дисциплины, и с учетом тех академических требований, которые сформировались в 90-е гг. XIX в. в университетах России и Западной Европы.

Учебник Г. Бюлера представляет собой нечто иное. Он был разработан в результате семнадцатилетнего пребывания ученого в Индии, где в непосредственном контакте с носителями древней языковедческой традиции он исследовал систему теоретического описания санскрита, созданную величайшим индийским грамматистом Панини (V в. до н. э.). Учебник Г. Бюлера составлен таким образом, чтобы максимально приблизить студентов к пониманию основ этой системы и тем самым открыть возможность овладения санскритом именно как языком индийского письменного наследия.

Перевод учебника на русский язык выполнялся П. В. Ернштедтом и А. А. Сталь-Гольштейном, молодыми коллегами академика Щербатского, и вышел в свет в 1923 г. под его редакцией. В своем предисловии к этому изданию Ф. И. Щербатской очертил программу подготовки специалиста-санскритолога, учитывающую объем знаний, необходи-

мых для работы с самыми разнообразными по сложности и жанрово-стилистическим особенностям текстами. Эта программа и в наши дни не только не устарела, но обрела статус нормативного образца.

Однако в связи с вышесказанным возникает вопрос, почему система Панини оказалась столь важной, что и сегодня освоение основ санскрита помимо нее малопродуктивно для всех тех, кто стремится исследовать письменные памятники древней и раннесредневековой Индии? Попытаемся бегло очертить основные этапы становления традиции лингвистической рефлексии, предшествовавшей возникновению этой системы.

В древнеиндийском обществе специальный интерес к языку зарождается в брахманской (жреческой) среде в связи с магической функцией речи в ритуальном действии. Первые исторически возможные формы лингвистической рефлексии связаны с процессом функционирования в древнеиндийской культуре корпуса ведических текстов.

Наиболее архаические пласты ведийского санскрита зафиксированы в четырех *самхитах* (собраниях) — *Ригведе*² («веде гимнов»), *Яджурведе* («веде жертвенных формул»), *Самavede* («веде напевов») и *Атхарваведе* («веде *атхарванов*»)³. Наиболее характерен в этом отношении язык *мантр* — магических формул, сопровождавших ритуал жертвоприношения. Три первых веды были связаны с ритуальными действиями, известными в культуре как «жертвоприношение *сомы*» — сакральной растительной субстанции, из которой приготавлился напиток бессмертия богов — *амрита*. Ритуал жертвоприношения *сомы* принято считать смысловым ядром культовых действий, соответствовавших религиозному мировоззрению, зафиксированному в ведах. В *Атхарваведе* представлена иная сфера культовой жизни

² *Ригведа* — наиболее древняя из вед, ориентировочно она датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Подробнее о *Ригведе* см.: Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972, а также подготовленное его издание «Ригведа. Мандалы I – IV» (М., 1989), сопровождаемое пространным исследователем.

³ Название *Атхарваведа* происходит от имени мифического персонажа *Атхарвана*, родоначальника жрецов огня; *Атхарваведа* датируется началом I тысячелетия до н. э., к литературе вед это собрание было отнесено не позднее V в. до н. э.

древних индийцев — так называемые домашние ритуалы, ритуальные действия, связанные с домашним очагом.

Ведический корпус, представляющий собой собрание различных по содержательной и функциональной направленности сакральных текстов, обладал статусом «источника истинного знания» не только в древности, но и для всей последующей брахманской духовной культуры. Однако было бы неверно рассматривать веды как строгую типологическую параллель тому, что в христианской культуре принято именовать Священным писанием, ибо в индийской ортодоксальной традиции статусом священного наделялось в первую очередь не написанное, а услышанное (*шрути*). В связи с этим уместно напомнить, что веды именовались *анаурушея* — «имеющие внемирское происхождение» (букв. «возникшие не от людей»). В брахманских, т. е. жреческих, сообществах они воспринимались как «откровение», а их язык (изустная речь — *Вак*) неизменно выступал в качестве божественного и сакрализованного.

Собрание ведических гимнов (*мантр*) и других текстовых единиц, законченных по содержанию, представляли для древнего индийца речь прежде всего в ее сакрально-культурном аспекте, поскольку именно речь служила важнейшим инструментом жреческого ритуала.

На всем протяжении древней и средневековой истории Индии техника и прагматика ритуала претерпевали определенные изменения, однако язык ведических гимнов оставался в то же время абсолютно статичным, сохраняя раз принятую неизменную форму (прежде всего фонетическую). Необходимо отметить, что факт письменной фиксации ведических текстов (XII в. н. э.), насколько, по-видимому, не повлиял на это обстоятельство. Отношение к ведам как к текстам-откровениям, некогда «услышанным» древними провидцами, приводило к тому, что их изустная передача принципиально не допускала вариативности.

Специализированные по своему месту в структуре ритуала, эти тексты передавались от одного поколения жрецов к другому как сокровенное знание, воплощенное в самой речевой ткани. Однако со временем архаические формы ведийского языка сделали понимание смысла текстов

весьма затруднительным даже для жрецов-профессионалов. Вследствие этого и возникает религиозно-идеологическая необходимость в истолковании ведических высказываний, точнее, в объяснении семантики их языка.

Хронологически первые попытки такой систематической «экзегезы» связаны с составлением *брахман* — жреческих текстов, содержащих программы ритуальных действий, интерпретации соответствующих им ведических *мантр*, объяснение целей и смысла ритуала. *Брахманы* как экзегетические тексты, относящиеся ко второму разделу ведического корпуса, фиксируют язык, существенно отличающийся от языка ведических гимнов. Это отличие обусловлено прежде всего заметным упрощением грамматического строя и существенным изменением словаря в связи со сменой парадигмы культуры в процессе консолидации первых стратифицированных обществ на территории северо-западной Индии.

Примерно этим же периодом можно датировать создание ведических текстов, относящихся к классу *сутр* (букв. «нить») и представляющих собой по содержанию вспомогательную часть вед (*веданга*). Эти тексты не относятся к категории *шрути* и занимают подчиненное положение, принадлежат к традиции *смрити* (букв. «запоминание /от учителя/»). К *ведангам*, в частности, принадлежат такие значимые в аспекте лингвистической рефлексии дисциплины, как фонетика (*шикша*, букв. «обучение»), грамматика и этимология.

Одним из наиболее ранних образцов языковедческого анализа, который мы обнаруживаем в древней Индии, выступает расчленение текстов ведических *самхит* на составляющие их слова. Этот анализ сводится к отделению слов в непрерывном потоке рецитируемого текста друг от друга и разложению их фонетического облика на стыках между собой (*сандхи*), сопровождающемуся соответственным изменением тона-ударения.

Для понимания целевой установки такого анализа необходимо иметь в виду, что его отправной точкой выступала рецитация непрерывного метрического текста. А поскольку расчленение предложений на составляющие их слова предшествовало в древней Индии обратному процессу

образования предложения из слов, то вполне очевидно, что предложение рассматривалось как нечто первичное, исходное. (Именно это методологическое положение получило дальнейшую разработку в трактовках теоретика индийского языковедения Бхартрихари в V – VI в. н. э.).

Данное обстоятельство обусловлено по меньшей мере двумя причинами. Первая состоит в том, что как ведийский санскрит, так и санскрит классический стали предметом углубленной рефлексии задолго до того, как они получили письменную фиксацию. Поэтому естественно допустить, что для носителей языка речь слагалась не из слов, а из более пространных блоков — предложений (законченных по смыслу высказываний). Вторая причина сводится к тому, что веды, передаваемые только изустно, рассматривались как состоящие из *мантр* и аналогичных им текстовых единиц, по своей протяженности равных, как минимум, строфе стиха или законченному предложению.

То, что *мантра* выступает элементарной единицей текста, обусловлено ее ритуальной функцией и характером. В ведическом ритуале каждая *мантра* обычно соответствует одному ритуальному акту, который, в свою очередь, сам представляет отдельную структурную единицу.

Язык в ведической Индии рассматривался, как правило, в перспективе ритуала. На это отчетливо указывают самые ранние упоминания о возникновении языка, встречающиеся в *Ригведе*: «Древние провидцы придали форму языку, просеивая его сквозь сито, словно поджаренное зерно» или «Они прослеживают движение языка через весь ход ритуала» (РВ., 10. 71. 2 – 3).

Таким образом, первый этап собственно лингвистической рефлексии в древней Индии сводится к анализу языка ритуала. На более поздних стадиях развития языковедческих знаний выработанные ранее аналитические принципы были экстраполированы на разговорный и литературный язык привилегированных страт индийского общества, т. е. страт, допущенных к изучению вед.

Следующей ступенью лингвистической рефлексии, связанной с истолкованием вед, явилось создание специальной дисциплины, занимающейся изучением фонетики. Задача сохранения сакральных текстов в строго изустной тра-

диции и неукоснительное требование их правильной рецитации привели, в конечном итоге, к разработке классификации звуков речи по месту и способу их образования.

Термины, обозначающие звуко-фонему и паузу, встречаются уже в ранних *брахманах*. Несколько позднее появляются понятия *мора* («количества» звука), *акшара* (слово-фонемы), а также ударения-тона и т. д.

К середине I тысячелетия до н. э. фонетика как специализированная лингвистическая дисциплина получает полное развитие. Создается фонетический алфавит, состоящий из гласных, смычных (*спарша*, букв. «контакт»), полугласных и спирантов. Отдельные звуки обретают наименование с прибавлением формального элемента «делатель» — по аналогии с архаическими выражениями, встречающимися еще в *Ригведе* (например, «*хин-кара*» — звук *хин*). В названии согласных появляется дополнительный *a* для облегчения их произнесения.

Отсюда становится понятным старое название фонетики — «обучение» (*шикша*), ее категории, как и преимущественный интерес к звуковой стороне языка, образовали фундамент всех языковедческих дисциплин в древней Индии.

Несколько позднее (V – III вв. до н. э.) достижения фонетики были использованы в разработке искусства письма. (Г. Бюлер утверждал в свое время, что индийцы располагали письмом уже между 600 и 500 г. до н. э. В грамматике Панини встречается слово *липи* — «письмо», заимствованное, по-видимому, из иранских языков). Согласно наиболее распространенной в специальной литературе точке зрения, самый ранний индийский алфавит — *брахми* — восходит к древнесемитской письменности, однако некоторые исследователи полагают, что *брахми* — исключительно автохтонное изобретение. Каким бы ни было происхождение этого алфавита, к его упорядочиванию применены фонетические принципы древнеиндийской *шикши* — каждая фонема обозначается отдельной (и только отдельной) буквой, краткие и долгие гласные различны между собой. В этой связи следует напомнить, что индийский алфавит — единственный в мире, где порядок знаков не случаен, ибо его основа — почти безупречная классификация фонем.

Те же самые принципы предопределили организацию позиционной структуры всех последующих индийских алфавитов, а уже в другой исторический период (раннее средневековье) индийская лингвистическая и, прежде всего, фонетическая традиция оказала решающее влияние на становление языкознания в ряде сопредельных стран, входящих в ареал распространения буддийской культуры. Так, в V – VI вв. н. э. под влиянием индийского алфавита *сиддха*, использовавшегося китайскими буддистами для записи *дхаран* — магических формул и заклинаний, в Китае возникла фонетическая система фиксации начального и конечного согласных, определяющая прочтение иероглифов. Корейский алфавит, введенный императорским указом в 1446 г., также обнаруживает сильное индийское влияние, особенно в части позиционного расположения согласных. То же самое относится и к японскому алфавиту *ахиру*. Определенное воздействие индийской фонетической традиции прослеживается и у арабского грамматиста из Басры Халиля (VIII в. н. э.), разрабатывавшего фонетическую систему письма. Хорошее знакомство с индийской грамматикой обнаруживается также и в сасанидском Иране. Влияние индийского языкознания, преформированного сквозь призму буддийской культуры, на Тибет заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же достаточно отметить, что искусство и техника передачи санскритских текстов на тибетский язык были уникальным достижением тибетских грамматистов-переводчиков (*лотсава*).

Что касается индийского влияния на европейскую науку уже в новое время, то здесь следует напомнить, что именно знакомство с индийской грамматической традицией (и прежде всего с морфологическим анализом у Панини) послужило мощным толчком для разработки Ф. Боппом индоевропейского сравнительно-исторического языкознания.

Как и фонетика, грамматика в ведической Индии была теснейшим образом связана с ритуалом и разрабатывалась первоначально только жрецами. В качестве примера можно привести открытие падежных форм в именном склонении и способ их использования для усложнения ритуального действия. Так, в церемонии многократного возжигания огня богу *Агни* предлагается жертвенное подношение,

сопровожаемое рецитацией шести стихов *Ригведы*, причем в каждом из них имя *Агни* стоит в иной падежной форме — в том же порядке, в каком падежи нумеруются в последующей грамматической традиции. Согласно комментаторам, такое склонение имени бога многократно усиливает действенность ритуала.

Понятие падежа (*вибхакти*, букв. «разбиение») сохраняется на всем диахронном срезе функционирования индийского традиционного языкознания, но тогда как первоначально оно производится от корня *бхадж* («разделять»), поздние грамматисты выводят его из корня *бхандж* («сгибать», ср. русское «склонение»).

Санскритское название грамматики — *вьякарана* (букв. «разделение», «различение»)⁴. Грамматика различает корни, суффиксы и префиксы, соотнося их с определенным значением или функцией. Ее главная цель — получение грамматически и фонетически правильно оформленных предложений из указанных исходных элементов.

Третья лингвистическая дисциплина — *нирукта* (этимология) — движется как бы в противоположном направлении: она объясняет слова (прежде всего ведического комплекса), прослеживая их к корню или глаголу, от которого они образованы. Первоначально *нирукта* имела значение «называние имени [бога]» и связывалась с поисками языковых признаков отнесения того или иного текста к определенному божеству для правильного ритуального использования.

Три эти языковедческие дисциплины, возникнув как рефлексия относительно языка ритуального действия, обретают к концу ведического периода известную степень автономизации, но тем не менее они никогда не имеют дела с живыми, изменчивыми языковыми явлениями.

Свое наиболее совершенное выражение древнеиндийское языкознание обретает в «Восьмикнижии» Панини и трудах его комментаторов — Катьяяны и Патанджали.

Индийская традиция приурочивает время деятельности Панини к V в. до н. э. Изыскания этого выдающегося лингвиста строились на основе современного ему живого языка

⁴ См. стих из *Шатапатха брахманы*: «Он разделяет то, что относится к богам, и то, что относится к предкам». XIII, 8, 2.

традиционной брахманской образованности (*бхаша*, букв. «язык», т. е. санскрит), который упоминается Панини в противоположность языку вед (*чхандас*, т. е. метрический язык).

Панини происходил из Шалатуры (город в северо-западном Пенджабе), и в силу этого его язык достаточно близок к языку *Катхака-самхиты*, представляющей северную редакцию *Яджурведы*. Синтаксически он хорошо согласуется с языком *брахман* и прозаических *упанишад*. Однако, как указывает Патанджали, комментатор «Восьмикнижия», труд Панини в равной степени принадлежит всем ведическим школам без изъятия.

Полное системное описание санскрита, созданное Панини, интересно в первую очередь тем, что оно является уникальным в классической индийской культуре примером разработки метода формализации в языкознании. Необходимо подчеркнуть, что этот первый и абсолютно успешный опыт формализации не был тем не менее экстраполирован на другие области традиционного знания. Иными словами, в индийской культуре формализация не была осмыслена именно как определенный качественно новый метод — вне его непосредственного соотнесения с предметом и объектом. В силу этого «Восьмикнижие» в совокупности с возникшей на его основе комментаторской литературой так и осталось единственным спорадическим образцом законченной формализованной системы описания.

Главным источником лингвистической рефлексии для Панини служила живая речь носителей брахманской учености, и поэтому важнейшая его историко-культурная заслуга состоит в том, что он собрал и проанализировал, а затем кодифицировал в предписаниях огромный материал синхронного языкового среза.

Разработка системы описания, предпринятая Панини, представлялась проблемой тем более сложной и новаторской, что предметом грамматики выступал прежде всего живой язык, а не его письменная презентация. Специфическая особенность обучения в брахманских сообществах состояла в том, что оно имело устный характер и во многом зависело от адекватной разработки экономичных мнемотехнических приемов. Этот критерий экономичности оказал решающее методологическое влияние на самый способ по-

дачи грамматического материала в «Восьмикнижии» и обусловил внутреннюю логику процесса формализации.

Примененный Панини подход можно с полным основанием назвать системным, что отчетливо прослеживается уже на примере композиции его труда. Первая часть «Восьмикнижия» содержит определение терминов метаязыка, т. е. инструмента описания, и свод правил интерпретации. Вторая посвящена композитам (сложным словам) и падежным окончаниям. Третья часть трактует первичные суффиксы и правила их присоединения: к глагольным «корням» — для образования вторичной глагольной основы; к глагольным «корням» — для образования основы спряжения; к глагольным основам — для образования неличной глагольной и неглагольной основы; к глагольным основам — для образования неизменяемых слов. Там же Панини дает объяснение глагольных окончаний. В четвертой и пятой частях рассматриваются суффиксы, присоединяемые к неглагольным основам. Правила ударения и фонетических замещений (*сандхи*) излагаются в двух следующих частях. Проблема *сандхи* получает дальнейшее освещение в заключительной, восьмой, части, содержащей наряду с этим информацию по вопросам чередования и т. п.

Композиция «Восьмикнижия» такова, что при анализе конкретных языковых форм необходимо привлекать знание всей системы описания.

Комментаторы «Восьмикнижия» отчетливо различали язык-объект и метаязык. Указанием на это служит специфическое употребление частицы *ити*, которая соответствует кавычкам, обозначающим прямую речь. Поскольку язык-объект выступал объектом грамматики, все, что относится к сфере значения, заключается в текстах частицей *ити*. В то же время выражения, касающиеся формы, т. е. относящиеся непосредственно к метаязыку, даются без этой частицы.

Какие же методологические принципы Панини положил в основу формализации метаязыка? Первый из них — это «принцип экономии». Критерий экономичности сводится к тому, что правило должно быть настолько кратким, насколько возможно при сохранении однозначной ясности его смысла. Это единственный критерий в системе Панини, который применялся и вне грамматических школ.

В соответствии с этим принципом индийский грамматист ввел в свой метаязык специальные символические обозначения, представляющие собой звуковые (буквенные) маркеры. В качестве примера можно привести маркер *шап* — символ, обозначающий тематический гласный *a*, который присоединяется к глагольному корням первого класса для образования основы настоящего времени. Подобные маркеры выступают метаязыковыми элементами наряду с техническими терминами грамматики.

Символизация имела строго обоснованный код и обуславливала специальный порядок распределения правил. Таким образом, дистрибутивность выступает вторым методологическим требованием к системе формализации. Конкретное рассмотрение дистрибутивности позволяет утверждать: Панини было свойственно ясное понимание того, что в современном языкознании принято называть классом лингвистических сущностей.

Символические элементы — не единственная составляющая метаязыковой системы Панини. Наряду с символизацией в ее состав входят метаправила, указывающие способ применения собственно правил. В качестве примера можно привести метаправило, свидетельствующее о том, что индийские лингвисты руководствовались законом непротиворечия, который однако не имел в этой системе универсального характера. Данное метаправило регламентирует случай противоречия двух правил — согласно Панини, при этом следует руководствоваться тем из них, которое стоит последним в списке. Этот пример позволяет вскрыть дополнительный методологический критерий — требование соответственной упорядоченности правил.

Система Панини удовлетворяет также методологическому условию полноты описания. Это становится вполне очевидным при рассмотрении элементарной модели имени. Панини представляет такую модель не в форме «корень + суффикс + флексия», а как корень с двумя и более суффиксами. При анализе простейших случаев — имя, состоящее из корня и окончания, т. е. второго суффикса в условиях отсутствия первого, — Панини символически обозначает «уничтожение» (отсутствие) первого суффикса как лингвистический ноль (*лопа*).

Такая символически унифицированная полнота описания указывает на классификационный характер этой модели. Так, модель имени полностью охватывала все случаи образования имен — благодаря предусмотренной возможности нулевого наполнения классификационных единиц. Она, следовательно, строго фиксировала способ словообразования и словоизменения в синхронном Панини языке и должна рассматриваться как модель закрытого типа, принципиально не допускающая индукции. Все живые языковые явления, не укладывающиеся в ее рамки, интерпретировались как не имеющие теоретически обоснованного права на существование.

Методологический критерий полноты описания обрел окончательную реализацию в предпринятой Панини системной кодификации санскрита. Благодаря разработанной им грамматике и трудам последователей зафиксированная таким путем форма языка приобрела статус образцовой и в этом качестве функционировала в течение последующего длительного периода истории индийской культуры. Если грамматика Панини базировалась на языке его современников, то в дальнейшем санскрит как язык брахманской образованности полностью определялся «Восьмикнижием», изучение которого сделалось неременным условием высокого уровня индивидуальной духовной культуры.

Во второй половине XX в. в европейской науке заявила о себе тенденция к отысканию параллелей между грамматикой Панини и современной структурной лингвистикой⁵. Однако для более строгой интерпретации проблемы необходимо, по-видимому, предварительно прояснить вопрос о правомерности каких бы то ни было историко-культурных параллелей и теоретических границах подобных поисков.

Обнаружение параллелей может быть продуктивным только при условии типологического соответствия сопоставляемых явлений, так как в противном случае исследователь рискует оказаться в плену ложных аналогий, пытаясь сравнивать историко-культурные явления вне ти-

⁵ В нашей стране эту проблему впервые рассмотрел В. Н. Топоров в своей работе «О некоторых аналогиях к проблемам и методам языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков» // Краткие сообщения Института народов Азии, 1961, вып. 57.

пологического контекста породивших их культур. Структурная лингвистика возникла в Европе в непосредственной генетической связи с развитием символической логики и знаменовала собой попытку экстраполяции ее формальных методов, опирающихся на теорию структуры. Таким образом, высокая степень формализации, достигнутая в современной структурной лингвистике, стала результатом длительной истории развития формализации как метода, достаточно широко применяемого в дисциплинах, сопредельных логике.

Как отмечалось выше, формализация, разработанная Панини, не была отделена в рамках индийской классической культуры от своего объекта и не превратилась, соответственно, в метод как таковой. Лучшим свидетельством этого является история развития логики в Индии. Достижения индийских логиков в анализе структуры высказывания и процессов дедукции удивляют изощренностью интеллектуальной рефлексии, однако в них не обнаруживается тенденции к формализации, символическая логика в Индии так и не сформировалась.

Панини создал формализованную систему описания исключительно под давлением необходимости, продиктованной историко-культурной спецификой санскрита и уровнем развития современных ему лингвистических знаний. Он не привносил формально-логические либо алгебраические способы описания в языкознание, ибо таких способов индийская культура не знала. Он создавал систему научного языкознания непосредственно на базе естественного языка. Системный способ описания, разработанный Панини, базируется на формальном абстрагировании от логики функционирования естественного языка, символическое выражение которой есть собственно грамматическая рефлексия.

Из сказанного следует, что структурная лингвистика по своему методу занимает в комплексе европейских наук типологически принципиально иное место, нежели грамматика Панини в индийской традиционной науке. На основе этого можно, по-видимому, заключить, что истолкование «Восьмикнижия» в терминах современной структурной лингвистики должно производиться крайне корректно, с учетом возможности неправомерной подмены семантического поля.

***

Завершая этот весьма краткий очерк восхождения лингвистической рефлексии в древней Индии от ранних исторически возможных ее форм к системе Панини, представляющей санскрит как одно из величайших достижений индийской культуры, мы хотим еще раз подчеркнуть важность знакомства с основами этого поистине совершенного языка для всех тех молодых российских ученых, кто пожелал связать свою творческую работу с духовным наследием Евразии.

В. И. Рудой, Е. П. Островская